Кто бы знал, как трудно быть писателем в самом литературном крае России! В любом другом месте ты отвечаешь лишь за самого себя, а у нас прежде всего нужно хранить наследство и крепить традиции. А как же? — не каждому выпало счастье жить и творить на родине Тургенева! Вживёшься — пройдёшь эпигоном, взбунтуешься — дураком выйдешь. Тургенев — наиболее хрестоматийный из русских классиков, и этот факт, с одной стороны, создаёт богатый общекультурный контекст, поддерживающий на плаву любого орловского литератора, но, с другой стороны, снижает амбиции и сужает рамки текущего литературного процесса. Ни железная воля Лескова, ни тёмные аллеи Бунина не в силах увести традицию из-под неодолимого влияния гения места.

Современная литература противоборствует Тургеневу, как бы решая от обратного *проблему классики*. Из всех корифеев Золотого века Тургенев наиболее подходит для амплуа *благородного отца*, и потому разрушительная интенция *эдипова комплекса* новых иконоборцев направлена скрытым образом прежде всего против него. Тургенев — эталон стиля, который надо держать в уме, по которому следует сверяться в сомнительных случаях. Однако творческое начало современности замеряется отступлением от канона,— и тут Тургенев отдыхает. Это если не естественно, то по крайней мере, объяснимо. Эстетическая система Тургенева принадлежит к типу закрытых, законченных: ей можно подражать, но продолжать нельзя, да и не нужно. В мир Тургенева входишь как паломник, почтительно и почти благоговейно — и отдаляешься с сожалением... скорее, облегчив душу, чем отяготив сознание. Перечитывая знакомые с детства романы, проникаешься счастливым чувством, что есть места, куда можно всегда возвращаться в спокойной уверенности, что там ничего не изменилось, и даже забытая перчатка всё так же покоится на ломберном столике.

Иван Тургенев... роскошная красота бабьего лета русской литературы. Последняя зрелая красота,— которая вот-вот соскользнёт в болезненную красивость золотой осени. Классицизм, застывший в прощальном жесте на пороге собственного мавзолея. Безупречная речь отдаёт мраморным холодком бессмертия. Фраза Тургенева так хорошо скроена и так надёжно отлажена, что хочется утвердить её в качестве стандарта для всей словесности. Но всякое её дальнейшее развитие в этой манере чревато манерностью. Красивая фраза — вот неистребимый корень модернизма, неизбежно процветающего на перенасыщенной аллюзиями культурной почве. Уже на поздние сочинения самого Тургенева порой тянет отозваться цитатой из него же: *Иван Сергеевич, не говорите красиво*. Тургеневым создана самая совершённая проза на русском языке,— и в силу этой завершённости опасно балансирующая в грациозном равновесии на грани банальности. Чему свидетельство его «Стихотворения

в прозе», столь восторженно принятые за образец ранними декадентами. Senilia: старческая сентиментальность уходящего гения. Всё немного слишком. Настолько возвышенно духовное, что уже почти безвоздушное; вроде бы то же высокое и чистое чувство, но чуть-чуть перегретое, слегка перезрелое, немного приторное. То, что порой сквозило в его письмах,— претенциозность, стилизация, некая экзальтация чувств и игривость слов,— теперь, по слабости человеческой, просочилось в литературу. Многие считают, что этот слезливый старик, перебирающий засохшие лепестки давно увядших роз, и есть Тургенев.

Да ничего подобного! Настоящий Тургенев — великан, стесняющийся своего роста и смущающийся от своего таланта. Он может всё, но хочет чего-то другого. Ему тесновато среди всех. Иногда кажется, что великие современники недолюбливали Тургенева. Герцен насторожённо сторонился, Щедрин подозрительно косился, а Толстой так вообще хотел стреляться. Достоевский высмеял его в «Бесах» в образе Кармазинова. Нечестно, немилосердно, несправедливо. Занял, шельма, полсотни талеров, продул их в рулетку — и вот так отплатил, злой карикатурой! Стыдно-с, Федор Михайлович, не по-божески это! Ну да, хотел Иван Сергеевич, очень хотел всем нравиться, а молодёжи особенно,— так велик ли грех? Ведь он же при всём при том никому не угождал и душой не кривил, и через то наживал наряду со славой непременные неприятности. При жизни ему не везло с критиками, а после смерти с исследователями. Тургенев — центральная фигура пантеона русской литературы. (Центральная — не значит: главная). Это самый непонятый из наших классиков. Потому что самый умный и самый ясный. То переоценённый, то недооценённый, но всегда гонимый критикой под ту или иную тенденцию, Тургенев вызывал недоумение и недовольство общественного мнения тем, что не ставил и не решал вечных вопросов. Иван Тургенев поразительно для русского гуманиста деидеологичен. В самом деле, Гоголь — учитель, Достоевский — пророк, Толстой — мессия, а Тургенев — кто он такой? всего-навсего великий писатель... ну, знаете ли! Это как-то не по-русски...

Неудача Тургенева в роли властителя дум не случайна. В его драматической биографии и литературной судьбе как ни в чём другом выразился перманентный кризис русского либерализма. Глубокие впечатления в нашем менталитете оставляют лишь радикальные идеи. Или революция, или реакция. Свобода, равенство, братство — или самодержавие, православие, народность. Особость Тургенева как его особенность хорошо обосновал Исайя Берлин в статье «Отцы и дети: Тургенев и затруднения либералов». *Средняя линия весьма уязвима, опасна и неблагодарна. Сложную позицию тех, кто в пылу битвы хочет по-прежнему говорить с обеими сторонами, часто толкуют как мягкотелость, обман, оппортунизм, трусость. <...> Дилемма морально чувствительных, честных и интеллектуально ответственных людей в период острой поляризации мнений стала с его времён ещё острее и распространённее.* И в этом плане Тургенев настолько же актуален, насколько злободневна для нас проблема взаимопонимания.

Либерал среди консерваторов и реформатор меж радикалов, холодный скептик для идеалистов и опасный мечтатель для прагматиков, Тургенев не дался в оборот ни одной из господствующих идеологий, и потому вытеснен в истории идей во второй ряд национального иконостаса. Что не мешает нам его читать и почитать в числе самых надёжных заступников русского человека перед судом истории. С ним мы спокойнее и увереннее в себе. Тургенев осуществил в родной литературе поэтическое измерение нашей прозы, как Гоголь — метафизическое, Достоевский — экзистенциальное, Толстой — онтологическое. Объяснить поэтическое труднее всего, если вообще возможно. Волшебное обаяние и завораживающий шарм тургеневских страниц в литературоведческом анализе исчезают, и оттого в зеркале критики его лик кажется плоским и (в юбилейных акафистах благоговейных филологинь) даже постным. Гений места становится бесплотным духом, туманом в сюртуке и облаком в панталонах. Разве это — Тургенев? Да нет, мы опять обознались...

Тургенев — утончённый варвар, романтичный скептик, смятенный ум и мятущаяся душа, русский медведь с манерами светского льва... кто он на самом деле? Испанский писатель Хуан Эдуардо Суньига в книге «Загадка Тургенева» создаёт сложный и сумрачный образ писателя, лишённый привычного нам хрестоматийного глянца: *Перед нами раскрывается жизнь, исполненная скрытых страстей, тяжких дум и несбывшихся надежд.* Чему сам Тургенев даёт немало оснований, проговариваясь в письмах и воспоминаниях о невзгодах воспитания и слабостях натуры. *Рос я дурно и невесело...* Что томило его и срывало в бегство от самого себя, что угнетало его стремление к счастью? — *И желание и страх жизни.* Личность Тургенева не может быть определена однозначно. Но и в этой сложности своей он сложен иначе, чем равновеликие ему современники. Он не апория, как Гоголь, не парадокс, как Достоевский, не противоречие, как Толстой, он — двойственность. Как бы един в двух лицах: сам за себя и против тоже. И эта двойственность, мучительная для жизни, стала счастливой для творчества. Тургенев не может выбрать удобную для защиты идейную позицию — и не хочет выбирать. Его взгляд на суть вещей обладает той объективностью, что равно чужда поклонению и поруганию. Оттого так выразительна жизнь в его изображении. Особенно жизнь в высшем её проявлении — в любви. Пожалуй, впервые после Катулла он различил в любовной страсти два нераздельных и неслиянных чувства: нежность и ненависть.

Что такое эти прославленные тургеневские женщины? Инкарнация романтического идеала в образцах и образах? Вот уж нет! Это, если хотите, реванш стихийных сил в сердцевине утончённой культуры. Вечная женственность выходит из хаоса и затягивает все наше мужество в тихий омут всепоглощающей страсти. Песнь торжествующей любви звучит как траурный марш. Любящему нет пощады, а любимому нет избавления. Страшнее и трагичнее этой мучительной страсти только её отсутствие. Что мог добавить к этому сексуальному фатализму Фрейд? Разве что всякие пикантные мелочи...

Иван Сергеевич Тургенев, вечный владелец Спасского, полномочный представитель Орловского края в мировой культуре, волшебник слова и гений места. Неприкаянный гений... Вот он, запертый веком в родовой усадьбе, мается от одиночества и не хочет ничего от людей. На тысячу вёрст кругом — Россия, родной край, и за тысячу вёрст отсель — Европа, чарующая чужбина... А от края до края — бесприютная тоска. Что за несчастный жребий — быть серединой меж крайностей! *Какая-то тайная и глухая тоска, от которой я не могу избавиться и которую ничто не может рассеять (из письма к Полине Виардо).*

Россия и Виардо: вот две силы, раздирающие меж собой узорный покров его жизни. Две грёзы, две темы, две музы... не сумевшие дать ему ни счастья, ни покоя. И та, и другая подавали ему надежды, но отказывали в близости. Брали щедрые дары его, а самого в расчёт не брали. С тем он и умер. С тем и вошёл в бессмертие. Тургенева изучают в школе и, представьте себе, читают после,— без нужды и принуждения. Так что его книги пользуются уверенным спросом. Время от времени театры ставят его пьесы, и, надо сказать, с устойчивым успехом. Не забывают классика кинематограф и телевидение. Тургенев — мировой бренд, и на его родине его имя ставится первым в мартирологе великих земляков, поминаемых в памятные дни. Так было, так есть и так будет,— доколе великий и могучий русский язык будет сакральной гарантией российской истории. Больше, чем долго — всегда.

В течение юбилейного года на родину Тургенева в разумном множестве будут приезжать его читатели,— организованными группами и дружескими компаниями, а также поодиночке. Чтобы побывать в Спасском, поклониться знаменитому дубу. Чтобы проникнуться естественной прелестью русской провинции, где гений места соразмерен масштабу бескрайнего неба и созвучен духу непреходящего времени...